

М.Н. Макарова

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ РАБОЧЕГО КЛАССА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В статье рассматриваются социологические концепции рабочего класса, возможности выявления классовых и групповых характеристик рабочих. Приводятся дискуссии об «исчезновении» рабочего класса. Затрагивается проблема размывания границ рабочего класса в связи с изменениями социальной структуры современного общества. В структуре современного рабочего класса выделены три типа: «пролетариат», «собственно рабочий класс» и «преуспевающие рабочие». Рассмотрены тенденции их развития в современных условиях. Показано, что представленные типы могут быть применены не только к рабочему классу, но и к другим социальным группам, а также отражают сложности в выделении границ рабочего класса.

Использование категории «рабочий класс» в современном научном дискурсе связано с противоречиями в трактовках и оценках. Это вызвано как объективными социально-экономическими причинами, так и непосредственно связанными с ними собственно-научными факторами. Противоречивым является уже само определение рабочего класса, которое в современном обществе становится все более размытым, как размыты и границы «рабочего класса». Действительно, это понятие все чаще заключается в кавычки, значение которых также нельзя понимать однозначно. Возможно, это некая ирония с примесью ностальгии по мессианской роли рабочих в преобразовании мира или выражение все более абстрагирующейся от первоначального значения категории «труд» (work).

Следует отметить, что рабочие не являются социально-профессиональной группой в ее обычном понимании. Не только в российском, но и в мировом социальном дискурсе эта группа наделялась (и наделяется до сих пор) не только экономическими, но и рядом других, прежде всего политическими признаками. Как ни странно, эта группа стала «глобализованной», наднациональной еще задолго до появления проблемы глобализации (вспомним лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» или высказывания К. Маркса о международной деятельности рабочего класса). Надо сказать,

что и современные социальные процессы отражаются на этой группе с большей силой, чем на других: речь идет не о чем ином, как об исчезновении рабочего класса. При этом в западной литературе продолжается дискуссия о «Новом рабочем классе» и его роли в историческом процессе. Неоднозначность трактовки рабочего класса проявляется уже в названиях работ: «Новый рабочий класс» С. Малле и «Прощай, рабочий класс» А. Горца, написанных примерно в одно и то же время.

Обозначим различные способы определения рабочих как социальной группы и класса. В.И. Добреньков и А.И. Кравченко трактуют категорию «рабочий класс» как своего рода оксюморон. «В понятии “working class” слово “work” означает физическую и умственную работу, осуществляемую за плату, и относится как к рабочим, так и к служащим. Напротив, термин “labour” обозначает не любую работу, а только ручной физический и в основном неквалифицированный труд. Но термин “labour class” сегодня не применяется, хотя он, возможно, точнее отражал бы природу и социальное происхождение данного слоя людей. Он использовался некоторыми политэкономами в XIX в., но переводился преимущественно как “пролетариат”» (Добреньков, Кравченко 2003: 64). Последний термин также имеет широкое и узкое понимание. В широком смысле он понимается как класс наемных рабочих (пролетариев), источником существования которого является продажа своей рабочей силы собственникам средств производства (Краткий философский словарь 1994: 204). Это широкое значение термина «пролетариат» обусловлено, прежде всего, марксистской традицией. Именно Марксу принадлежит наиболее последовательное употребление понятия «пролетариат» как синонима категории «рабочий класс». В узком смысле термин «пролетариат» соответствует своей этимологии и обозначает нижний слой рабочего класса («низший слой неимущих граждан») (Маркс 1981: 243). У Маркса эта группа обозначалась как «люмпен-пролетариат». В немарксистской традиции термин «пролетариат» получил еще более широкую трактовку, нежели простое сведение его к рабочему классу. Для современной социологической традиции более характерно понимание «пролетариата» как «массы», нижнего слоя общества, обладающего низкой квалификацией и не способной повлиять на общественные процессы.

Следовательно, одно из направлений трансформации понимания рабочего класса (пролетариата) связано со снижением его социальной активности: «пролетаризация» означает теперь переход к пассивной и бессознательной массе (Бауман 2002: 45), в отличие от трактовки Маркса, считавшего, что «“средние сословия” становятся революционными постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата» (Ритцер 2002: 51).

Другое важное направление изменений в понимании этой категории усматривается в переходе от вертикально-классовых характеристик рабочих к социально-групповым признакам, которые, в свою очередь, также однозначно не определены. В литературе наиболее распространено определение рабочего класса именно как *социальной группы*, исходя из объективных признаков: наемные работники, занятые преимущественно физическим трудом, «так называемые “синие воротнички”, т. е. люди в рабочих комбинезонах, и члены их семей» (Добреньков, Кравченко 2003: 75). Это определение делает акцент на понимании

рабочих как социальной группы, обладающей воспроизводимыми социальными признаками и занимающей определенное место в системе разделения труда.

Выделяют также и другие признаки социальной группы рабочих: невысокий уровень доходов, низкие гарантии занятости, малоквалифицированный труд, низкий уровень образования, исключение из процесса принятия решений, связанных с производством, и т. д. Все это позволяет относить рабочих к нижним слоям общества. Обозначают также и доминирующий тип общества, в котором рабочие являются основной производительной силой — индустриальное общество. Такое понимание позволило Г. Маркузе утверждать, что новое информационное общество высоких технологий сокращает потребность в прежних типах трудящихся, в результате чего рабочий класс оказывается на обочине современных общественных процессов. Доля рабочих, занятых в традиционных производственных отраслях, в результате уменьшения их влияния и упадка непрерывно уменьшается. Многие источники указывают на более чем сорокапроцентное сокращение численности рабочего класса за последние 50 лет, в результате чего в развитых странах теряет свою значимость традиционная «рабочая аристократия» — наборщики, станочники, слесари и т. д.

Однако, несмотря на уже отмеченную нами некоторую «неуместность» использования в современной социологии термина «рабочий класс», раздельное использование этих терминов существенно искажает общий смысл анализируемой категории. «Класс» в терминологии марксистского анализа предполагает наряду с объективными характеристиками (место в системе разделения труда, способ присвоения благ) наличие социальной субъектности (способности к определенным социальным действиям) и осознание этой субъектности, т. е. наличие «классового сознания», «классовой солидарности». Однако относительно рабочего класса эти признаки начинают принимать особые формы.

Дискуссии об исторической роли «рабочего класса» как актуального или потенциального субъекта социально-политических трансформаций продолжаются и в настоящее время в связи с усилением роли профессиональных союзов и трудовых организаций, отстаивающих права работников в условиях неопределенности и изменчивости социально-экономических процессов. В частности, многие авторы, например, А. Турен, считают, что именно образованные и квалифицированные рабочие способны создать прогрессивное ядро рабочего движения, обеспечивающее защиту прав и интересов рабочих, или даже принять историческую революционную роль «пролетариата».

Вместе с тем большинство исследователей признают, что социально-политическая активность рабочего класса существенно снизилась. Эти тенденции они связывают как с уже обозначенной дифференциацией рабочего класса, так и со снижением его роли в экономической жизни в связи с трансформацией отношений между рабочими и капиталистами, вследствие чего понятие «эксплуатация», положенное в основу марксистского обоснования роли рабочего класса в социальных изменениях, требует дополнительных уточнений.

Во-первых, размыванию подвергается сам феномен эксплуатации. Этот термин используется с большой осторожностью даже самыми радикальными марксистами. Снижение уровня социальной конфликтности на этой почве связывают либо с усовершенствованием системы договорных отноше-

ний между различными субъектами, в результате чего эксплуатация сменяется «договором», или «социальным контрактом» с достижением консенсуса на основе компромиссов, либо с изменением самой формы эксплуатации, которая приобретает все более изощренные и скрытые формы. В этом смысле примечательным является исследование М. Буравого, описавшего производственный процесс как игру коллективных и индивидуальных интересов, направленную на максимальное использование (но не эксплуатацию) рабочей силы. Трудовой процесс на исследованном им предприятии был организован так, что различные функции (оператор, водитель, инспектор) были взаимосвязаны, и каждый работник был заинтересован в качественном и своевременном выполнении работы другими работниками (Burawoy 1979: 143).

Во-вторых, размываются субъекты отношений эксплуатации. «Эксплуататоры» превращаются из конкретных субъектов в диффузные мобильные механизмы экономических сетей, не имеющие центра и поэтому не несущие ответственности за те социальные потрясения, которые они вызывают в процессе глобальных трансформаций. Об отчуждающей рационализации современного капитализма написано немало работ, прямо или косвенно имеющих отношение к марксизму. Однако наиболее близкие заявленной проблематике работы берут свое начало в исследованиях Г. Брэвермана, применившего марксистский анализ к системе тэйлоризма. Он пытается доказать, что научное управление представляет собой метод, который позволяет капиталистам получить неограниченную власть над рабочими. Эта власть достигается прежде всего самой организацией труда, предусматривающей разделение трудового процесса на отдельные операции, вследствие чего рабочий теряет контроль над ним и обеспечивает капиталисту монополию на контроль, знания и умственный труд. Появление информационной технологии рассматривается Брэверманом как «неотъемлемая часть борьбы между рабочей силой и капиталом», которая ведет к «пролетаризации» рабочей силы (Ритцер 2002: 129).

В-третьих, дифференцируется сам «рабочий класс», включающий две далеко не всегда связанные между собой группы: квалифицированных работников, составляющих основу современного производственно-технологического процесса, и так называемую «рутинную рабочую силу», являющуюся, по мысли З. Баумана, взаимозаменяемой и постоянно рискующей оказаться на обочине социальной жизни. Неопределенность — вот главный мотив их существования, вызывающий снижение социальных контактов и «скольжение» по бесчисленным местам временной занятости (Бауман 2002: 46).

Таким образом, социальный статус рабочего в настоящее время не определен. С одной стороны, можно говорить о постепенном снижении численности рабочего класса в связи с изменением характера труда, а с другой — наблюдается противоположная тенденция. Это говорит о том, что старые представления и стереотипы, репрезентирующие дискурс рабочего класса, как в общественном мнении, так и в научных исследованиях, еще не утратили своей актуальности, но, безусловно, претерпевают в настоящее время существенные изменения.

Следовательно, «расширение» границы рабочего класса можно связать с возрастающей автономизацией элиты (Иноземцев 2000: 78). Господствующий

класс в новом информационном обществе является не только собственником средств производства, но и их создателем. На фоне все более усиливающейся дифференциации и автономизации элиты все большая часть наемных работников пополняет ряды нижнего слоя, т. е. «пролетаризируется». В результате термин «рабочий класс» в самом общем смысле становится синонимом термина «низший класс» и означает всех представителей наемного труда, независимо от его характера. Таким образом, наблюдается расширение рабочего класса за счет других социальных групп наемных работников в условиях изменения характера труда. Физический труд имеет место, но к нему по статусу приближается наемный малоквалифицированный труд в непроеизводственных сферах. Об этом говорит изменение идентификации рабочих, которая все более смыкается с ценностными системами других типов наемных работников, оказавшихся в сходной ситуации в условиях более гибких стратегий элиты, которая все меньше зависит от наемных работников. Именно в этой группе постоянно сохраняется угроза или реальность безработицы, состояние депривации сопровождается утратой социальной интеграции и еще более угрожающими формами отчуждения, нежели в 1844 г., когда были написаны знаменитые «Экономико-философские рукописи...» К. Маркса.

Можно выделить и другой аспект «расширения» границ, связанный с уже упоминаемой нами романтически-революционной ролью рабочего класса. Понимание этой роли также претерпело существенные трансформации, в результате которой типы субъектов социального протеста и общественно-политической активности тоже становятся иными. Снижение количества выдвигаемых рабочим классом политических требований сопровождается усилением таковых со стороны других социальных групп и общественных движений. Усиливается роль профессиональных союзов во всех сферах наемного труда, растет активность этнических организаций и движений, женских, экологических обществ, групп интересов и т. п. Таким образом, с утратой значимости коммунистического дискурса происходит локализация и специализация форм социального противостояния. Протесты против политики национальных государств, региональных экономик или руководства конкретных предприятий проявляются в общественных движениях, которые редко взаимодействуют между собой, хотя и в условиях «сетевое общества» могут стать серьезной протестной силой при сохранении и усилении социальных противоречий современного капитализма. Так, В.Н. Иванов, описывая современные социально-экологические движения, отмечает их антикапиталистическую направленность и возможность их союза с рабочими в этой борьбе (Иванов 1986: 16).

Дифференциация носит горизонтальный характер и связана с двумя взаимосвязанными процессами. С одной стороны, происходит унификация (гомогенизация) рабочих с другими социальными группами в связи с трансформацией характера труда и общностью социальных проблем (условия труда, нарушения прав, увольнение и т. д.) как у «традиционных» рабочих, или «синих воротничков», так и у других категорий работников, в том числе из непроеизводственных сфер. С другой стороны, размывание границ между работниками различных сфер труда и даже представителями различных слоев общества (например, нижним и средним слоями) приводит к смещению гра-

ниц и появлению новых социальных групп. Основания для их различения вызваны теперь спецификой социальных проблем, с которыми сталкиваются представители «массы». Это уже не проблемы рабочего либо среднего класса, «белых или синих воротничков». Новые группы начинают создавать этнические, региональные, политические, расовые и иные дискурсы.

Вместе с тем необходимо указать и на вертикальную дифференциацию внутри рабочего класса. И хотя в социологической литературе делается акцент на формировании «нового рабочего класса» или «когнитариата», факторы и механизмы этой дифференциации практически ничем не отличаются от факторов и механизмов трансформационных процессов, происходящих в других социальных группах. Следует отметить, что формирование работника нового типа в постиндустриальном обществе не ограничивается увеличением представителей непродуцирующей сферы и появлением класса интеллектуалов, о котором писал Д. Белл (Белл 1999: 64). Процессы глобальных социально-экономических преобразований повлекли за собой гораздо более сложные трансформации, нежели появление новых категорий работников. В частности, формирование так называемого «нового рабочего класса» в развитых странах связано с несколькими взаимосвязанными явлениями. Так, повышение роли образования во всех сферах социальной жизни способствовало выделению группы высококвалифицированных рабочих, овладевающих новыми технологиями производства, строительства и т. д. Новые знания и умения позволяют особо преуспевающим работникам попасть в разряд наиболее высокооплачиваемых и востребованных на рынке труда профессионалов (рабочей аристократии), получить руководящую должность либо открыть собственное дело.

В то же время на пути к этим достижениям рядовой представитель рабочего класса сталкивается с рядом существенных трудностей — это высокая стоимость образования и различных форм повышения квалификации в развитых странах, усиление конкуренции на всех уровнях, постоянные нововведения и многообразие технологических процессов, овладению которыми следует постоянно обучаться. При этом принципиально важным механизмом трансформаций является появление работника с новым типом идентификации — автономного субъекта. Специфика работника этого типа состоит в усиливающейся гибкости, требуемой современным рынком труда и условиями занятости, в постоянном самообразовании и поиске все новых возможностей как для самореализации и применения своих способностей, так и для выживания и заработка (Бауман 2002: 53).

Итак, трансформация границ определения рабочего класса в современной социальной реальности и в социологической традиции, ее концептуализирующей, связана с изменением традиционного рабочего класса, которое сопровождается рядом изменений и в социальной структуре в целом:

1. Наблюдается пролетаризация представителей средних социальных слоев и социально-профессиональных групп в связи с ситуацией неопределенности и мобильностью глобальных процессов, вследствие чего они пополняют ряды «рутинной рабочей силы», обреченной на негарантированное существование, и вместе с рабочими составляют «массу».

2. Несмотря на пассивность основной части «массы», в ее недрах формируются организации, группы и движения, позиционирующие себя как протестные и оппозиционные по отношению к элите и существующей социальной системе. Сюда можно отнести различные общественные движения (профсоюзы, национальные движения, экологические, феминистские и другие организации).

3. В рядах самого рабочего класса происходит дифференциация, вследствие чего некоторая часть рабочих переходит в более высокие слои общества и получает возможность контроля над производственными процессами.

Все эти тенденции указывают на изменения в понимании рабочего класса, а также на то, что эту группу невозможно анализировать отдельно от других групп и слоев, претерпевающих изменения в связи с глобальными трансформациями. Тем не менее, целесообразно выделить некоторые социальные типы, характеризующие представителей рабочего класса в изменяющихся условиях. Большинство уже имеющихся типологий рабочих основаны на социально-профессиональных характеристиках, связанных с характером труда, квалификацией и возможностями контроля над производственными процессами. Традиционное жесткое деление на группы квалифицированных и неквалифицированных рабочих требует уточнения в связи с появлением промежуточных групп между рабочими и представителями других социально-профессиональных категорий. В частности, требует решения проблема возможности включения в состав рабочего класса представителей нижнего звена управления и «белых воротничков» (техников, бригадиров, мастеров). Но самая главная проблема состоит в том, что профессиональные и трудовые характеристики перестают определять специфику рабочего класса. Глобальные изменения в характере трудовых отношений будут усиливаться в будущем, вследствие чего необходимо построение таких типологических моделей, которые, с одной стороны, отражали бы происходящие изменения в социально-трудовой сфере, а с другой, предусматривали бы возможность определения места различных субъектов в социальной системе.

При построении типологизации рабочего класса необходимо учитывать следующие факторы, отмеченные нами ранее.

1. Изменения в характере труда и процессы социальной поляризации, с одной стороны, и перераспределение состава групп наемных работников, с другой, требуют включения субъективных характеристик, определяющих позицию субъекта в системе социальных отношений.

2. Социальные типы характеризуют наиболее распространенные дискурсы, конституирующие представления о рабочем классе в современном трансформирующемся обществе. В то же время эти типы вписаны в общие тенденции изменений социальной структуры и представляют собой формы субъектности, которые в общих чертах свойственны другим социально-профессиональным группам, также оказавшимся в центре социальных изменений.

3. Приобретает важность также способность различных субъектов к адаптации в изменяющихся условиях. Поэтому попытка выделения социальных типов с необходимостью должна отражать специфику включения субъектов в социальные изменения и их позицию в этих изменениях.

Исходя из вышеизложенного, можно выделить следующие типы, отражающие наиболее распространенные группы рабочего класса в современном

обществе. Первый тип — *«пролетариат»* — традиционно включает работников с преимущественно низким уровнем квалификации и пассивными стратегиями адаптации. Это люди, оказавшиеся на периферии социальных изменений, не имеющие не только возможностей контроля над трудовыми процессами, но и определенных гарантий занятости. Этот тип исследователи характеризуют как «рутинную» или «заменяемую» рабочую силу, оказавшуюся не в состоянии адекватно реагировать на процессы общественных изменений. Эта группа озабочена в основном поиском возможностей выживания, поэтому их идентичность размыта и носит нереклексивный характер, а социально-групповые и классовые интересы «рабочей массы» не артикулированы.

Вместе с тем под влиянием глобализационных процессов численность и социальный состав «массы» расширяется и начинает включать не только малоквалифицированных рабочих, но и работников более высокой квалификации, выброшенных потоками социальных изменений: наблюдаются процессы «пролетаризации» различных, в том числе образованных и квалифицированных слоев.

Второй тип — *«рабочий класс»*. Такое название продиктовано тем, что именно в этой группе сохраняются (хотя и претерпев существенные трансформации) некоторые элементы традиционного марксистского дискурса, в частности, так называемые «классовое сознание» и «классовая солидарность». Для этого типа характерны две тенденции, рассмотренные нами ранее, — протест против противоречий современного капитализма и локализация интересов. Оппозиционность современных социальных движений направлена, в отличие от рабочего движения конца XIX — начала XX в., лишь против отдельных негативных проявлений капиталистических отношений. Современные профсоюзные организации ориентируются на защиту локальных интересов отдельных категорий работников и не претендуют на ниспровержение основ капитализма в целом. Для представителей этой группы характерны в целом более высокий социальный статус, а также коллективный и идеологический тип идентификации, связанный с защитой коллективных общественных интересов и противопоставлением «мы — они».

Особенностью современных общественных движений является их концентрация не только и не столько на проблемах рабочего класса. Интересы занятости и защиты прав работников начинают перекликаться с национальными, расовыми, гендерными и другими видами интересов, характеризующими усложнение процессов социальной дифференциации и многофакторный характер конфликтов в изменяющихся условиях.

Третий тип — *«преуспевающий рабочий»*. Этот термин, предложенный Дж. Голдторпом, на наш взгляд, наиболее удачно отражает особенности рабочего нового типа: индивидуализм и поиск инновационных стратегий. Следует отметить, что эти стратегии являются не просто стратегиями выживания, а отражают новый тип мотивации — ориентацию на самореализацию, максимальное раскрытие своих способностей и на повышение индивидуального социального статуса. Для представителей этого типа характерны наиболее рефлексивные формы идентичности, поэтому они включают не только высококвалифицированных и образованных рабочих, но, прежде всего

тех, кто способен адекватно оценивать социально-экономическую ситуацию и обладает управленческими навыками.

Представители этой группы в современном обществе наиболее тесно прилегают к «промежуточным» классам и пополняют ряды среднего класса менеджеров и профессионалов. Несмотря на известные трудности попадания в эту группу для представителей рабочего класса, в последние десятилетия в развитых капиталистических странах наблюдается ее существенное пополнение. Этот дискурс «нового рабочего класса», или «когнитариата», вызывал опасения представителей радикального марксизма по поводу снижения революционности рабочих, а также обуславливал высказывания теоретиков постиндустриализма о «конце рабочего класса».

Представленные типы демонстрируют возможности их применения не только к рабочему классу, но и к другим социальным группам. Обозначенные тенденции изменений указывают на необходимость их дальнейшего изучения и рассмотрения возможности конституирования новых дискурсов, связанных с процессами воспроизводства рабочего класса и их трансформацией. Представленные проблемы обуславливают актуальность исследования рабочего класса в России, функционирование и направления изменений которого имеют свои особенности, требующие всестороннего изучения.

Литература

Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Academia, 1999.

Буравой М. Марксизм после коммунизма // Рубеж. 1998. № 13–14.

Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуриации. М.: Академический проект, 2003.

Добренков В.И., Кравченко А.И. Социология. Т. 2. М.: Наука, 2003.

Иванов В.Н. Симптомы сдвига в немарксистской социологии конца XX в. // Новейшие тенденции в современной немарксистской социологии: материалы к XI Всемирному Социологическому Конгрессу. Ч. 1. Изменения теоретико-методологических подходов. М., 1986.

Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: проблемы, противоречия, перспективы. М.: Логос, 2000.

Краткий философский словарь. М.: Наука, 1994.

Маркс К. Критика Готской программы. М.: Наука, 1981.

Радаев В.В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1995.

Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб.: Питер, 2002.

Хенди Ч. Алчущий дух. За гранью капитализма: поиск цели в современном мире // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 1999.

Шелдрейк Дж. Теория менеджмента: от тейлоризма до японизации / Пер. с англ. под ред. В.А. Спивака. СПб.: Питер, 2001.

Buroway M. Manufacturing Consent. Chicago, 1979.

Webster F., Robins K. Information Technology: A Luddite Analysis. Norwood, NJ., 1996.